

Анна А. Зализняк

МНОГОЗНАЧНОСТЬ

В ЯЗЫКЕ

И СПОСОБЫ

ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

STUDIA PHILOLOGICA

Анна А. Зализняк

МНОГОЗНАЧНОСТЬ
В ЯЗЫКЕ
И СПОСОБЫ
ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2006

ББК 81.031
3 55

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 04-04-16032

Зализняк А. А.

3 55 Многозначность в языке и способы ее представления. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 672 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0114-4

Книга посвящена феномену языковой многозначности; в центре внимания находится многозначность лексических единиц (полисемия). Монография обобщает результаты исследований автора в области лексической, грамматической и словообразовательной семантики, концептуального анализа и русской языковой картины мира. Строится концептуальный аппарат описания многозначности, позволяющий адекватно описать недискретное по своей природе явление, каковым предстает многозначность в языке; центральное место в нем занимает понятие *концептуальной схемы* и множества ее реализаций. Рассматривается лексическая многозначность как проблема теоретической семантики и практической лексикографии; соотношение полисемии, синонимии и межязыковой эквивалентности при реконструкции языковой картины мира; многозначность приставки в модели анализа и синтеза префиксальных глаголов; семантическая деривация в синхронии и в диахронии с типологической точки зрения; языковая неоднозначность как смыслопорождающий фактор в художественном тексте.

Для широкого круга лингвистов.

ББК 81.031

В оформлении переплета использована картина К. Моне «Le bateau atelier» (1876)

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-9551-0112-8

© А. А. Зализняк, 2006

© Языки славянских культур, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	11
------------------------	----

Часть первая ФЕНОМЕН МНОГОЗНАЧНОСТИ

<i>Введение</i>	15
-----------------------	----

<i>Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МНОГОЗНАЧНОСТИ</i> ..	20
---	----

1. Общие проблемы.....	20
1.1. Многозначность и смежные понятия.....	20
1.1.1. Многозначность, полисемия и виды неоднозначности.....	20
1.1.2. Неоднозначность и языковая игра.....	25
1.1.3. Типы некаламбурного совмещения значений.....	27
1.2. Способы представления многозначности.....	34
1.3. Значение языковой единицы как реализация ее «концептуальной схемы».....	39
1.3.1. Инвариант vs. исходное значение.....	39
1.3.2. Понятие концептуальной схемы.....	40
1.3.3. Предварительные итоги.....	43
2. Внутренняя форма слова.....	46
2.1. Понятие внутренней формы слова.....	46
2.2. Типы внутренней формы слова.....	48
2.3. Внутренняя форма слова и его значение.....	49
2.4. Этимология и народная этимология.....	52
2.5. Внутренняя форма и семантический инвариант.....	54
3. Метафора как источник многозначности.....	57
3.1. Метафора с лексикографической точки зрения.....	57
3.1.1. О двух способах интерпретации метафорических словосочетаний.....	57
3.1.2. О множественности «вещных коннотаций» абстрактных имен.....	60
3.1.3. «Телесная метафора души» в описании эмоций.....	64
3.2. Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности.....	66

<i>Глава II. ЛЕКСИЧЕСКАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ И ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ</i>	73
1. Семантика глагола <i>бояться</i> в русском языке	74
1.1. Экспозиция	74
1.2. <i>Бояться 1</i> и <i>бояться 2</i>	75
1.3. Синтаксис и семантика предложений с глаголом <i>бояться</i>	79
1.3.1. Конструкция с подчиненным инфинитивом	79
1.3.2. Конструкция с именным дополнением	82
1.4. Postscriptum	85
2. О семантике сожаления	87
2.1. Сожаление о плохом или о хорошем?	87
2.2. Модель мира сожалеющего субъекта	90
2.3. Все могло быть иначе	93
2.4. <i>Жалко расставаться</i>	99
2.5. Сожаление и раскаяние	102
2.6. Вместо заключения	103
2.7. Postscriptum	105
2.7.1. Еще раз о совмещении значений	105
2.7.2. Сожаление и жалость	107
2.7.3. Концептуальная схема сожаления	110
2.7.4. Глагол <i>сожалеть</i> в лексикографическом аспекте	112
3. Наречие <i>напрасно</i> : семантика и сочетаемость	116
3.1. Значение неэффективности действия ('напрасно 1')	117
3.2. Оценочное значение ('напрасно 3')	121
3.3. Значение ошибочности мнения ('напрасно 2')	123
3.4. К проблеме инварианта	129
4. Праздник жизни проходит мимо	131
4.1. <i>Мимо 1</i> и <i>мимо 2</i>	131
4.2. <i>Пройти мимо</i> и <i>миновать</i>	138
4.3. Концептуальная схема 'мимо' и ее реализации	140
5. Глагол <i>мочь</i> и семантика возможности	146
5.1. Об одном идиоматическом значении глагола <i>мочь</i>	146
5.2. Система значений глагола <i>мочь</i>	150
5.2.1. Объективное значение	150
5.2.2. Пермиссивное значение	156
5.2.3. Эпистемическое значение	157
5.3. Некоторые итоги	159
6. Глагол <i>говорить</i> : семантическое свидетельство семиотической природы языка	162
6.1. Семантические роли и их исполнители	162
6.2. Смысл 'говорить' в системе языка	170
6.3. Словарная статья глагола <i>говорить</i>	174
6.4. Структура многозначности глагола <i>говорить</i>	185

7. Глагол считать	190
7.1. <i>Считать</i> и <i>думать</i> : два типа мнения	190
7.2. <i>Считать</i> как лингвоспецифичное слово	197
7.3. Глагол <i>считать</i> с типологической точки зрения	200
Глава III. ПОЛИСЕМИЯ, СИНОНИМИЯ И МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ СРАВНЕНИЕ: ФРАГМЕНТЫ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	206
1. Отражение «национального характера» в лексике русского языка	206
1.1. Языковая картина мира и методы ее реконструкции	206
1.2. <i>Собираться</i>	209
1.3. <i>Стараться</i>	216
1.4. <i>Удалось — успел</i>	218
1.5. <i>Получилось — вышло — сложилось</i>	222
1.6. <i>Довелось — почастливилось — повезло</i>	227
1.7. <i>Угораздило — умудрился</i>	230
1.8. Вместо заключения	234
2. Преодоление пространства в русской языковой картине мира	236
2.1. Глагол <i>добираться</i> : словообразовательная и аспектуальная семантика	236
2.2. Преодоление пространства	243
2.3. Глагол <i>добираться</i> : семантическая эволюция	245
3. <i>Компактность vs. рассеяние</i> в метафорическом пространстве русского языка	248
4. <i>Счастье и наслаждение</i> в русской языковой картине мира	255
4.1. Предварительные замечания	255
4.2. <i>Радость и удовольствие</i>	256
4.3. <i>Ум</i>	258
4.4. <i>Счастье</i>	261
4.4.1. <i>Счастье</i> : значение и семантическая эволюция	261
4.4.2. <i>Счастье</i> : сочетаемость и употребление	263
4.4.3. Русская мифология счастья	266
4.4.4. Межъязыковые сопоставления	267
4.5. <i>Наслаждение</i>	269
5. О семантике щепетильности: <i>обидно, совестно</i> и <i>неудобно</i>	273
5.1. Концепт <i>обиды</i> в русской языковой картине мира	273
5.2. <i>Обидно</i>	283
5.3. <i>Совестно</i> и <i>неудобно</i>	285
5.3.1. <i>Совестно</i>	285
5.3.2. <i>Неудобно</i>	288
6. К семантике межличностного взаимодействия	290
6.1. <i>Друг, общение, отношение, просьба</i>	290
6.2. <i>Чувства и эмоции</i>	294

<i>Глава IV</i> МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛУЖЕБНЫХ МОРФЕМ: СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ПРИСТАВОК	298
1. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке	298
1.1. Вводные замечания.	298
1.2. Семантические механизмы префиксации и принципы их описания	299
1.2.1. Одно значение или много?	300
1.2.2. «Значение приставки» или «тип значения приставочного глагола»?	304
1.2.3. Понятие семантической вычленимости приставки.	305
1.2.4. Набор семантических признаков как способ отражения диффузности значения приставки	306
1.3. Модель семантики глаголов с приставкой <i>за-</i>	311
1.3.1. «Пространственная идея» приставки <i>за-</i>	311
1.3.2. Семантические признаки глаголов с приставкой <i>за-</i>	312
1.3.3. Типы значений глаголов с приставкой <i>за-</i>	315
1.4. Фрагмент словаря приставочных глаголов: глаголы с приставкой <i>за-</i>	317
1.4.1. Избранные примеры	324
1.5. Почему <i>запомнить</i> не значит ‘начать помнить’?	328
2. Семантическая деривация в значении приставки <i>у-</i>	336
2.1. Вводные замечания.	336
2.2. Схема семантической деривации приставки <i>у-</i>	341
<i>Глава V</i> НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ КАК СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩИЙ ФАКТОР	347
1. Тожество и подобие в значении русского творительного падежа	347
1.1. К проблеме инварианта	347
1.2. Тожество или подобие?	350
1.2.1. Творительный сравнения	351
1.2.2. Творительный образа действия	355
1.2.3. Творительный предикативный	357
1.3. Метаморфоза.	360
2. О роли грамматической неоднозначности в поэтическом тексте: анализ одного стихотворения Катулла	366
3. <i>Любовь</i> и <i>сочувствие</i> : содержание концептов в русском языке и в романе М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия»	374
3.1. <i>Любовь</i>	376
3.1.1. <i>Любовь</i> в русском языке	376
3.1.2. <i>Любовь</i> в романе М. Кундеры	382
3.2. <i>Сочувствие</i>	384
3.2.1. <i>Soucit</i> в романе М. Кундеры	385
3.2.2. <i>Сочувствие</i> в русском языке	388
<i>Глава VI</i> К ТИПОЛОГИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ	392
1. Семантическая деривация в синхронии и диахронии	392

1.1. Семантическая деривация и семантическая реконструкция	395
1.2. Семантический переход и семантическая параллель	399
2. Проект «Каталога семантических переходов»	403
2.1. Примеры семантических переходов	403
2.2. Структура словарной статьи «Каталога»	406
2.3. Ограничение материала	408
2.3.1. Степень регулярности перехода	408
2.3.2. Величина смысловой дистанции	410
2.4. Многочленные семантические переходы	411
3. Семантическая типология и проблема калькирования	413

Часть вторая

СЕМАНТИКА ПРЕДИКАТОВ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ

<i>Введение</i>	421
---------------------------	-----

Глава I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ПРЕДИКАТОВ

ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ	424
---------------------------------	-----

1. Границы класса	424
1.1. Некоторые логические проблемы анализа пропозициональных установок	425
1.2. Место предикатов внутреннего состояния в семантической классификации предикатов	429
2. Принципы описания семантики предикатов внутреннего состояния	432
2.1. Принцип «типичной ситуации»	432
2.2. Структура толкования	433
2.3. Понятие «неустойчивого семантического компонента»	435
2.4. Принципы выделения значений	441
3. Семантико-синтаксическая структура предложений с предикатами внутреннего состояния	444
3.1. Субъект и объект внутреннего состояния	444
3.2. Предметный vs. пропозитивный объект	445
3.3. Ситуация vs. факт	447
3.4. Понятие денотативного статуса пропозиции	456
3.5. Прилагательные эмоционально-ментальной сферы во французском языке	457
3.6. О семантике вводного употребления глаголов	463
3.6.1. Вводное и не вводное употребление	463
3.6.2. Ограничения сочетаемости, характеризующие вводную конструкцию	464
3.6.3. Семантика вводности	465
3.6.4. Вводные глаголы в составе общевопросительного предложения	470
3.6.5. Семантическая интерпретация сочетаемостных ограничений	474

<i>Глава II. КОМПОНЕНТЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДИКАТОВ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ</i>	478
1. Эпистемический компонент семантики предикатов внутреннего состояния	478
1.1. Знание как единица семантического метаязыка	478
1.2. Мнение-предположение и мнение-оценка	481
1.3. Мнение-предположение как оценка вероятности	483
1.4. Эпистемический компонент в презумптивной зоне значения	486
1.5. О понятии имплицативного типа предиката с пропозициональным актантом	488
1.6. «Подъем отрицания»: синтаксис, семантика или прагматика?	496
1.6.1. Постановка задачи	496
1.6.2. Синтаксический и прагматический подходы к подъему отрицания	498
1.6.3. Семантический подход	501
1.6.4. Семантические препятствия на пути ПО-интерпретации	509
1.6.5. Заключение	511
2. Оценочный компонент семантики предикатов внутреннего состояния	513
2.1. Оценка внутреннего состояния и его объекта	513
2.2. «Рациональная» и «эмоциональная» оценка	514
3. Контроль и его место в семантической структуре предикатов внутреннего состояния	518
3.1. Понятие контроля	518
3.2. Контролируемость в жизни и в языке	520
4. Причинные цепи и линии развития событий	525
4.1. Причины и причинные цепи	525
4.2. Понятие «нормального хода вещей»	527
<i>Глава III. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ НЕКОТОРЫХ ПРЕДИКАТОВ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ</i>	529
1. 'Бояться'	530
2. 'Надеяться'	547
3. 'Ждать'	557
4. 'Сожалеть'	567
5. 'Подозревать'	577
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	583
<i>Предметный указатель</i>	589
<i>Указатель лексем</i>	600
<i>Список сокращений</i>	633
<i>Литература</i>	635

ОТ АВТОРА

Книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена исследованию феномена многозначности в языке и возможностям его отражения в лингвистическом описании. Во второй части предлагается семантическое описание одной группы многозначных слов — предикатов внутреннего состояния, — выполненное средствами специально разработанного для этой цели метаязыка. Некоторые разделы книги основаны на статьях, написанных в соавторстве (раздел III.3 первой части — с А. Д. Шмелевым; раздел II.5 первой части и разделы I.3.6 и II.1.6. второй части — с Е. В. Падучевой; раздел III.1 первой части — с И. Б. Левонтиной)¹. Вторая часть данной книги представляет собой переработанный вариант книги [Зализняк 1992a], дополненный разделами I.3.6 и II.1.6.

Книга обобщает результаты моих исследований в области лексической, грамматической и словообразовательной семантики, концептуального анализа и русской языковой картины мира, проводившихся на протяжении приблизительно пятнадцати лет. Мои представления об устройстве многозначности и оптимальных способах ее описания в течение этого времени эволюционировали, и эта эволюция отражает общее направление изменений, происшедших за последние два десятилетия в мировой лингвистике. В частности, она состоит в переносе внимания с различий в значении языковой единицы и поиска тех контекстных условий, в которых эти различия создают смысловую оппозицию, — на нахождение общности заключенной в значении языковой единицы концептуальной конфигурации. Упомянутая эволюция, однако, не разрушает устойчивого представления о многозначности как о множестве различных явлений некой единой сущности (которая в более ранних вариантах модели называлась «общим значением» или «семантическим инвариантом», а в нынешней ее версии называется «концептуальной схемой»). Осталось неизменным также убеждение в принципиальной возможности адекватного описания сколь угодно диффузной семантической материи, причем не за счет формализации метаязыка, а лишь за счет ясности мысли и точности ее выражения (в том числе средствами обычного русского языка).

¹ Внутренние отсылки в книге устроены следующим образом: римская цифра в обозначении раздела указывает на номер главы, идущие далее арабские — на номер раздела внутри данной главы. По умолчанию отсылка производится в пределах одной и той же части книги, в противном случае этот факт эксплицитно отмечается.

Работа над данной книгой поддерживалась фондами: РГНФ (гранты № 95–06–17334, № 01–04–00201а), РФФИ (гранты № 98–06–80111, № 01–06–80401), RSS CEU (грант №797/1997).

Я хочу назвать людей, благодаря которым эта книга возникла и обрела свой настоящий облик, — моих учителей, коллег и друзей, с которыми мне на протяжении этих лет доводилось обсуждать проблемы, связанные с многозначностью в языке: это Т. Б. Алисова, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, М. А. Бобрик, И. М. Богуславский, Т. В. Булыгина, Д. Вайс, А. Вежицкая, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, М. Гиро-Вебер, А. В. Дыбо, А. А. Зализняк, Л. Л. Иомдин, А. А. Кибрик, А. Е. Кибрик, Г. Е. Крейдлин, М. А. Кронгауз, И. Б. Левонтина, О. Меерсон, Х.-Р. Мелиг, И. А. Мельчук, И. Л. Микаэлян, М. Ю. Михеев, Т. М. Николаева, Е. В. Падучева, Д. Пайар, А. Б. Пеньковский, Н. В. Перцов, В. А. Плунгян, А. К. Поливанова, Е. В. Рахилина, П. Редер, О. Н. Селиверстова, Н. И. Сериков, В. Туровский, Е. В. Урысон, В. А. Успенский, Ф. Фичи, У. Швайер, Т. Е. Янко.

Моя особая благодарность — А. Д. Шмелеву, моему постоянному собеседнику, советчику и соавтору, а также С. А. Крылову и Э. К. Лавошниковой, прочитавшим всю рукопись книги и сделавшим множество важных замечаний и исправлений.

Часть первая

ФЕНОМЕН МНОГОЗНАЧНОСТИ

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших итогов развития семантической теории последних трех десятилетий является то, что многозначность «стала восприниматься не как отклонение от нормы, а как одно из наиболее существенных свойств всех значимых единиц языка, как неизбежное следствие основных особенностей устройства и функционирования естественного языка» [Плунгян, Рахилина 1996: 4]. Показательно, что именно феномен многозначности с самого начала был центральной проблемой когнитивной лингвистики (см., например, [Deane 1988]).

То, что единицам языка свойственна многозначность, было известно лингвистам всегда. Однако отношение к этому факту в разные эпохи было различным. В частности, в отечественном языкознании важная роль многозначности в функционировании языка всегда признавалась в рамках «традиционного» направления; наоборот, в структуралистских концепциях многозначность слова рассматривалось как некое досадное обстоятельство, с которым нельзя не считаться, но от которого в семантическом описании следует как можно раньше и радикальнее избавиться (ср. выражение *maîtriser la polysémie*, букв. ‘обуздать, укротить’ в [Lerot 1985])¹. Отчасти данью этой идеологии является принятый в Московской семантической школе термин *лексема* в понимании «слово в определенном значении» (см., например, [Апресян 2000б: XXVII; Мельчук 1997]), который создает иллюзию решения именно этой задачи — избавления от многозначности: в исходной точке анализа множество употреблений описываемого слова разбивается на непересекающиеся подмножества (соответствующие разным «лексемам»), после чего исследователь имеет дело уже только с этими *лексемами*, т. е. с единицами, «свободными» от многозначности (ср. [Николаева 1997б: 270])².

¹ Ср. [Geeraerts 1985: 30] и введенный там же термин «полисемиофобия», созданный по аналогии с термином Ж. Жильберона «омонимифобия» и указывающий на представление о том, что полисемия — это такое же «патологическое» и требующее устранения явление в языке, как омонимия.

² Тот факт, что термин *лексема*, несмотря на откровенное противоречие между его содержанием и его внутренней формой, прочно вошел в лингвистический обиход (хотя все же не является общепринятым — см. определение *лексемы* в [Булыгина, Крылов 1990]), свя-

В некотором смысле противоположным является «инвариантный» взгляд на многозначность, который в своей крайней форме состоит в том, что всякая языковая единица имеет одно значение, а наблюдаемая полисемия сводится к «*sui generis* оптической иллюзии, возникающей при взаимодействии „настоящего“ значения и определенного контекста» [Плунгян 2001а: 96]. Впрочем, как справедливо отмечается в цитированной работе В. А. Плунгяна, при внешней противоположности указанных подходов их объединяет то, что полисемия является источником «теоретического дискомфорта», что «хорошее» описание должно быть свободно от полисемии.

Однако сейчас можно с уверенностью сказать, что одной из составляющих происшедшей в последние 20 лет смены парадигмы является перенос центра тяжести семантической теории с с и н о н и м и и, бывшей в 60—70-е гг. базовой категорией семантики, на п о л и с е м и ю. Заметим, что здесь важно изменение именно методологической установки, общего взгляда на феномен языкового значения — вспомним популярное в свое время понимание смысла как инварианта синонимических преобразований, опирающееся, в частности, на идеи Якобсона³. Дело в том, что граница между синонимией и полисемией — это в значительной степени вопрос концептуализации; так, к числу «синонимических средств языка» (ср. подзаголовок книги [Апресян 1974]) относятся, например, различные преобразования, связанные с меной диатезы, а именно такого рода преобразования как варианты реализации потенциалов одного слова являются важнейшим полем разработки современной теории полисемии. Да и сама «Лексическая семантика» до сих пор является одним из основополагающих исследований в области многозначности, в том числе р е г у л я р н о й м н о г о з н а ч н о с т и, которая, очевидно, находится в центре интересов сегодняшней семантики.

В лингвистике имеется несколько базовых оппозиций, касающихся принципиального устройства языка в целом, на фоне которых формируется отношение к многозначности. Это, прежде всего:

1. Дискретность vs. градуальность. Это противопоставление является наиболее глобальным; оно существенно для всех уровней и аспектов функционирования языка. В области структуры многозначности это касается статуса отдельного значения слова: образуют ли разные значения слова множество дискретных единиц или непрерывный континуум, в котором одно значение «плавно переходит» в другое⁴.

зан, по-видимому, не столько с устойчивостью вызвавшей его к жизни идеологии, сколько с отсутствием какого-либо другого однословного обозначения для идеи «слово в определенном значении», необходимость которого очевидна в рамках любой семантической теории (ср. [Перцов 2001: 19]).

³ См. [Jakobson 1955; Падучева 1974: 10—33; Мельчук 1974/99: 10] и др.

⁴ Ср. полемику на эту тему в [Апресян 1974: 179—180; Перцова 1988; Кибрик 1996; Перцов 1996; Перцов 2001: 31—33]. Надо сказать, что оппозиция «дискретности» и «диф-

2. Гумбольдтовское противопоставление *ergon* vs. *energeia*: строит ли человек в процессе говорения грамматические формы, словосочетания и предложения по неким формулам или образцам — или запоминает их в готовом виде? До относительно недавних пор сторона «*energeia*» была общепринятой, однако в последнее время теории в духе Б. М. Гаспарова [Гаспаров 1996] пошатнули этот постулат, причем как среди сторонников, так и среди противников этих теорий.
3. Является ли язык системой «чистых значимостей», где значение каждого знака определяется его местом в системе оппозиций, или любое слово в каждом своем употреблении выражает тот единственный смысл, который вкладывает в него говорящий и который составляет результирующую бесконечного числа факторов (в частности, опирается на неповторимый индивидуальный опыт говорящего)? В связи с этим: способен ли слушающий воспринять тот смысл, который хочет ему передать говорящий? Возможна ли вообще идентификация смыслов?⁵

Однако, как кажется, для всех этих вопросов не следует искать единого ответа, общего для всех языковых единиц во всей полноте их функций. В языке, очевидно, есть дискретное и градуальное, воспроизводимое и порождаемое, объективно-системное и субъективно-поэтическое. Нельзя забывать также и о различиях в способе усвоения и пользования языком различными говорящими в зависимости от их ментального склада (в частности, тех, которые в лингвистике принято связывать, в свете работ Вяч. Вс. Иванова об асимметрии полушарий мозга [Иванов 1995], с относительной доминантностью того или другого полушария; ср. также более широкое понятие *когнитивного стиля обучения* в [Clair, Raffler-Engel 1982]). Действительно, наряду с подсознательным отождествлением структуры родного языка со структурой языка вообще (о чем много писали) весьма распространенной методологической аберрацией среди лингвистов является отождествление своего способа владения языком с единственно возможным. В частности, спор о том, усваивает ли человек в процессе овладения языком правила или готовые блоки, равно как и оппозиция выросших из того и другого постулата теорий, покоятся, как кажется, на неверной предпосылке о единственности способа усвоения и пользования языком для всех говорящих.

фузности» как самого языкового значения, так и способов его представления продолжает оставаться одной из наиболее «горячих точек» современной теоретической лингвистики, см., в частности, материалы международной конференции «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы» (МГУ, 1995) и ее обсуждение на страницах журнала «Вопросы языкознания», 1996, № 2. См. также [Гак 1998: 16—21] о недискретности языковых явлений как факторе плюрализма лингвистических описаний.

⁵ Идея принципиальной нетождественности смысла самому себе является аксиомой для некоторых направлений семиотической мысли, ср. [Лотман 1996; Есо 1990; Курицын 2001: 82]. См., впрочем, прим. 2 в разделе V.2.

В работах [Плунгян, Рахилина 1996; 2000; Плунгян 2001a] развивается подход к описанию сильномнозначных единиц (предлогов и приставок), объединяющий преимущества атомистического словарного и холистического когнитивного подходов. Авторы исходят из того, что центральной проблемой при описании полисемии является нахождение границы, отделяющей область воспроизводимого от области порождаемого — того, что «запоминается», и того, что «конструируется» [Плунгян, Рахилина 1996: 5—6]. Если следовать мысли авторов, то описание полисемии должно включать две части: тому, что находится по одну сторону указанной границы, будет соответствовать нечто вроде перечня готовых толкований (которые, по предположению, говорящий «помнит», если он владеет значением данного полисемичного слова, — или должен запомнить, если он хочет им овладеть); тому же, что находится по другую сторону, будет соответствовать нечто вроде перечня «инструкций», т. е. операций по преобразованию смыслов, которыми, по предположению, говорящий на данном языке умеет — или, соответственно, хочет научиться — пользоваться. Такая постановка вопроса представляется совершенно правильной. Следует, однако, иметь в виду, что среди прочих трудностей, стоящих на пути разграничения «воспроизводимого» и «порождаемого», имеется еще и та, что обсуждаемая граница, по-видимому, будет проходить по-разному не только для слов разных семантических и грамматических классов, но, скорее всего, и для разных говорящих.

Одна из наиболее фундаментальных связей, формирующих семантическую структуру языковых единиц всех уровней, — метафорический перенос из наблюдаемого мира физических явлений в мир ненаблюдаемых идеальных сущностей (внутренних состояний человека, логических и прочих «абстрактных» отношений). Это касается как однозначных слов, где данный перенос имеет системный и всеохватывающий характер, так и значений служебных слов и морфем (предлогов, приставок); при этом существенно, что исходное пространственное значение почти всегда является в той или иной форме и степени актуальным и для производного непространственного. Неслучайно именно эта двойственность является одним из основных инструментов поэтической техники самых разных эпох и стилей (и может быть также конституирующим принципом на уровне текста).

Характеризуя общие теоретические установки данного исследования, можно сказать, что основными идейными истоками для него послужили: Московская семантическая школа; методы «концептуального анализа», применяемые в рамках направления, обозначившего себя как «Логический анализ языка»; работы Анны Вежбицкой. Что касается когнитивной лингвистики, связываемой с именами М. Джонсона, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Л. Талми и др., чьи работы вошли в российский лингвистический обиход в начале 1990-х гг., то близость некоторых ее идей и методов к тем, которые реализованы в данном исследовании, можно определить, пользуясь оппозицией, актуальной для семантической типологии, скорее не как «заимствование», а как «параллельное развитие». Так, представленные «общего значения» слова в форме пространственной схемы, из которой разные

частные значения выдвигают на первый план разные элементы, было предложено мною в статье, посвященной слову *мимо* [Зализняк 1994а]; в значительной степени аналогичный принцип описания был использован мною ранее для представления «общего значения» предикатов внутреннего состояния в [Зализняк 1985; 1986], а затем в книге [Зализняк 1992]. Да и в целом не будет преувеличением сказать, что отечественная семантика по существу всегда была «когнитивной» (см. об этом подробнее в разделе I.1.2).

И последнее замечание технического характера. Как известно, при семантическом анализе лингвист имеет дело с сущностями трех типов: сами слова, заключенные в них концепты и соответствующие им фрагменты действительности. Объекты первого рода обозначаются обычно *курсивом*, второго — заключаются в ‘марровские кавычки’, третьего — обозначаются обычным прямым шрифтом. Однако, как показала практика, реальное словоупотребление таково, что довольно часто два или даже все три типа смыслов могут выражаться одновременно (и при этом не возникает неоднозначности); тем самым полностью последовательно указанный принцип нотации проведен быть не может. Поэтому обозначение *курсивом* изначально признается многозначным и может использоваться для указания на сущность любого из указанных трех типов. Способ нотации при помощи марровских кавычек зарезервирован для семантических ярлыков, указывающих на определенную концептуальную конфигурацию, которая может быть заключена в различных материальных носителях (например, смысл, обозначаемый как ‘бояться 2’, может быть выражен русским глаголом *бояться*, французским *avoir peur* и другими средствами).

Глава I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МНОГОЗНАЧНОСТИ

1. Общие проблемы

1.1. Многозначность и смежные понятия

1.1.1. Многозначность, полисемия и виды неоднозначности

Для обозначения лингвистического феномена, являющегося предметом настоящего исследования, в русской традиции существует три термина — *многозначность*, *неоднозначность*, *полисемия*. Термин *многозначность* был поставлен в заглавие настоящего исследования, поскольку он указывает просто на существование у некоторой единицы более одного значения. Термин *полисемия* иногда рассматривается как синоним термина *многозначность* — ср. систему отсылок в словарях [ЛЭС 1990], а также словоупотребление в [Апресян 1974; 1995д, е]. В предметном указателе С. А. Крылова ко 2-му изданию «Лексической семантики» Ю. Д. Апресяна термин *полисемия* указан как маргинальный член синонимического ряда, ядерным членом которого является *многозначность* (ср. противоположное направление отсылки в словаре [Баранов, Добровольский 1993]). Однако здесь необходимо сделать следующие уточнения. Во-первых, под *полисемией* обычно понимают лишь лексическую многозначность, в то время как термин *многозначность* не содержит этого ограничения (так, мы можем говорить о *многозначности* русского творительного падежа, но не о его *полисемии*). Во-вторых, под *полисемией* понимается чисто парадигматическое отношение: факт наличия у слова более одного значения; между тем *многозначность* может быть и синтагматической: многозначностью может быть названа в том числе возможность одновременной реализации у той или иной языковой единицы двух (или более) значений. Названные различия проявляются также в функционировании соответствующих прилагательных: *полисемичным* может быть только слово как единица словаря, а *многозначным* может быть выражение и целое высказывание; многозначность, таким образом, сближается с *неоднозначностью*

(тем самым термин *многозначность* охватывает как сферу полисемии, так и сферу неоднозначности)¹.

Под *неоднозначностью* языкового выражения или речевого произведения (текста) понимают наличие у него одновременно нескольких различных смыслов. В зависимости от того, какого рода эти смыслы, различают лексическую неоднозначность (ср. *проехать остановку*: ‘преодолеть расстояние’ и ‘миновать точку’; *переизбрать Петрова*: ‘избрать Петрова на другой срок’ и ‘избрать другого человека на пост Петрова’) и синтаксическую неоднозначность, ср. известные примеры *amor patris, ee портрет, мать любит дочь*; *flying planes can be dangerous* (‘летающие самолеты могут быть опасны’ и ‘летать на самолетах может быть опасно’); *мужу изменять нельзя* и т. п. Ю. Д. Апресян различает языковую неоднозначность (лексическую и синтаксическую) и речевую, возникающую в высказывании из-за неопределенности тех или иных параметров ситуации [Апресян 1974: 176—178]. Последний тип неоднозначности иллюстрируется такими примерами, как *Джон прострелил себе руку* или *Гусар зазвенел шпорами* (которые могут обозначать как намеренное, так и ненамеренное действие), а также возможностью осмысления вопросительного предложения определенного типа как «экзаменационного» вопроса. Как кажется, однако, разграничение здесь должно быть проведено несколько иначе. С точки зрения характера неоднозначности возможность непрямого использования вопросов типа *В каком году родился Пушкин?* находится в том же ряду, что и другие сдвиги иллокутивной функции вопроса (*Не могли бы вы передать мне соль? Не знаете ли вы, который час? Сколько мне еще ждать? Куда же ты уходишь?* и т. п.). Во всех этих случаях одно и то же предложение может использоваться в разной иллокутивной функции — и, соответственно, иметь разный смысл. Возможность выражать два разных смысла обеспечивается здесь, как при синтаксической или лексической неоднозначности, устройством языка; два различных смысла не могут «иметься в виду» одновременно, и нормально слушающий способен произвести выбор нужного понимания (в работе [Перцова 1988] такая неоднозначность названа дизъюнктивной). Если же все-таки он ошибается, т. е. неправильно разрешает неоднозначность (например, на вопрос *Не знаете ли вы, который час?* отвечает *Знаю*), имеет место коммуникативная неудача — так же, как и в том случае, когда человек, например, принимает экзаменационный вопрос за обычный (ср. анекдот, в котором на вопрос учителя *В каком году родился Пушкин?* ученик отвечает *Мне бы ваши заботы, господин учитель!*).

Что же касается фраз типа *Гусар зазвенел шпорами*, то здесь, по-видимому, представлен иной тип неоднозначности. В отличие от всех предыдущих приме-

¹ Интересно, что в немецком языке имеется лишь два слова *Mehrdeutigkeit* и *Polysemie*, при этом первое соответствует как русскому *многозначность*, так и *неоднозначность*; в английском языке значение русских трех терминов иначе распределяется между двумя — *ambiguity* и *polysemy*: слово *ambiguity* соответствует русскому *неоднозначность*, а *polysemy* — русским *полисемия* и *многозначность*.

ров, где варианты прочтения взаимно исключают друг друга, в данном случае оба обсуждаемых понимания — намеренное и ненамеренное — вполне совместимы в том смысле, что для понимания таких фраз слушающий, вообще говоря, не обязан производить в ы б о р. Просто некоторые аспекты ситуации могут остаться нам неизвестны (а именно, совершил человек данное действие намеренно или нет — так же как по какой причине, с какой целью, каким способом и т. д. он его совершил)². Иными словами, здесь имеет место не собственно неоднозначность, а скорее неопределенность (недоопределенность) некоторого параметра и вследствие этого неполнота представления о ситуации (ср. противопоставление понятий *ambiguity* и *vagueness* в англоязычной традиции). Аналогичным образом неполнота информации (недостаточность контекста) может не позволить сделать выбор между результативным и нерезультативным общефактическим значением несов. вида во фразах типа *Кто строил этот завод?* (строительство может быть доведено или не доведено до конца), ср. [Падучева 1996: 33]; между перфектным (т. е. с сохранением результата до момента речи) и аористическим пониманием формы прош. времени сов. вида (*Мой дядя сломал ногу*).

Тем самым если языковая неоднозначность — это способность слова, выражения или конструкции иметь различные смыслы, т. е. это свойство языковых единиц, то речевая неоднозначность — это реализация данного свойства в конкретном высказывании. Речевая неоднозначность может быть ненамеренной (и тогда она либо будет разрешена в ходе дальнейшей коммуникации, либо произойдет коммуникативная неудача), но она может быть и намеренной, т. е. использоваться как прием (см. ниже).

Неоднозначность как сосуществование множества различных осмыслений художественного текста признается некоторыми исследователями его ингерентным свойством: именно одновременное присутствие двух различных пониманий (слова, выражения или текста в целом) и создает новый смысл ([Якобсон 1975; Есо 1962; Empson 1963]); см. подробнее главу V. Тем самым смысл поэтического текста никогда не равен не только буквальному, но и *передаваемому* (по Грайсу) смыслу: то, что «хотел сказать» автор поэтического текста, — если такую постановку вопроса вообще считать правомерной, — это именно результирующая взаимодействия всех смыслов, явных и неявных. Из множества примеров из авторов разных эпох, которые здесь могут быть процитированы, приведем лишь один: *Париж?* — *И я с тобой парю*³. Соединение идей *Парижа* и *парения*, которые сливаются фонетически в форме 2-го л. от глагола *парить*, на семантическом уровне дает новое воплощение русского парижского мифа; все три идеи являются составляющими смысла данного текста. Ср. также, например, анализ семантики ненормативных словосочетаний в языке А. Платонова в работах [Левин 1998в;

² О неоднозначности, связанной с контролируемостью ситуации, см. раздел II.3.2 второй части.

³ Обращение к даме, находящейся в Париже (из устной речи).

Бобрик 1995; Михеев 1998], анализ метафорических выражений у О. Мандельштама в [Успенский 1994б].

Неоднозначность поэтического текста может иметь различную природу — она может порождаться как неоднозначностью отдельных слов и форм, так и многозначностью текста в целом: это иносказания, аллюзии, разного рода интертекстуальные элементы, наличие одновременно двух разных планов описания (двух разных сюжетов или ситуаций, с которыми соотносится один и тот же текст)⁴ и др. Неоднозначность последнего типа является, в частности, конституирующим свойством текстов таких жанров, как пословица, поговорка и загадка, ср. *Тише едешь — дальше будешь*; *На воре шапка горит*; *Кто ходит утром на четырех ногах, днем — на двух, а вечером — на трех?* (загадка Сфинкса) и т. д. Одним из важнейших источников поэтической неоднозначности является метафора, основанная на одновременном присутствии двух денотативно различных, но концептуально тождественных планов изображения (см. об этом подробнее разделы I.2, V.1). Неоднозначность поэтического текста может порождаться также неочевидностью буквального смысла — как в случае с первой строфой «Евгения Онегина», см. [Михайлова 2000; Перцов 2000б]; ср. также [Гаспаров 1994] о значении слова *очки* в стихотворении Б. Пастернака «Зеркало».

Важным источником поэтической неоднозначности является оживление внутренней формы (в результате чего возникает своеобразный стереоскопический эффект). При этом происходит восстановление исходного, обычно пространственного, образа или физического явления, послужившего основой для построения абстрактного концепта, например⁵:

- (1) И вот еще почему всякая большая любовь с точки зрения устроенного быта *преступна* (Пришвин. Дневники).

Возможна и более сложная игра, ср.:

- (2) ...а пониже сквозил, как в глубокой воде, расплывчато-темный прислон стула, ставимого так ввиду *поползновения* дверей медленно, с *содроганиями*, разъезжаться (В. Набоков. Тяжелый дым).

В примере (2) оба выделенных слова по своей внутренней форме восходят к физическим явлениям, но в стандартном русском языке имеют лишь переносное

⁴ Не имея возможности останавливаться на этом подробнее, приведем лишь следующие примеры. Иносказание: «Ныне Узкое поглощено Москвой. Но по-прежнему в окрестностях его самый лучший воздух, поскольку *господствующие ветры здесь веют с запада в сторону столицы*, а не из нее» (Г. Аксенов. Вернадский. М., 2001. С. 390). Речь здесь идет, очевидно, не только об экологии. Примером параллелизма планов повествования может служить стихотворение О. Мандельштама «Я вернулся в мой город, знакомый до слез», где описывается одновременно возвращение в город и возвращение в детство, см. [Успенский 1994б: 248].

⁵ В примерах здесь и далее курсив мой. — А. З.

значение, относящееся к сфере внутренних состояний человека. Здесь же эти слова использованы в окказиональном переносном значении, возвращающем их в сферу физических объектов; при этом стандартное значение, относящее к миру внутренних состояний человека, здесь также присутствует⁶.

«Поэтическая» неоднозначность может порождаться также неочевидностью оценки или авторской позиции; наличием разных «уровней осмысления» художественного произведения — бытового, социально-исторического, индивидуально-психологического, философского и т. д. (ср., например, разбор рассказа Бунина «Легкое дыхание» в [Выготский 1968]); жанровой неопределенностью (ср. [Gugel 1967] о жанре LI стихотворения Катулла); неопределенностью референции личных местоимений (в частности, в лирической поэзии) и многими другими факторами. Однако даже краткий обзор этой интереснейшей темы, к сожалению, выходит за рамки данной работы. К компетенции лингвистики поэтическая неоднозначность относится в той мере, в какой она основана на языковой неоднозначности, — см., в частности, работы [Якобсон 1975; Лотман 1970; Падучева 1982; 1996: II; Николаева 1997а, б; Успенский 1994б; Левин 1998б, в; Перцов 2000а; Зализняк 1998б].

Главное отличие «бытовой» неоднозначности от поэтической состоит в том, что при практической речевой коммуникации из двух возможных пониманий некоторого выражения одно является правильным, а другое — неправильным относительно намерений говорящего, и более широкий контекст (речевой или ситуативный) должен позволить слушающему выбрать правильное понимание; в противном случае происходит провал коммуникации. «Избегай неоднозначности» — один из коммуникативных постулатов Г. П. Грайса [Грайс 1985: 223]. Таким образом, с точки зрения коммуникативной функции языка актуальная неоднозначность высказывания является «браком» в речепроизводстве, помехой, которая ведет к неудаче речевого акта и должна быть по возможности устранена. Неоднозначность такого рода может возникать в том числе за счет отсутствия у слушающего необходимых презумпций, а также при несовпадении *инференций* слушающего (того, что он «извлекает», *infers*) с *импликатурами* говорящего (тем, что говорящий в свое высказывание «закладывает», *implies*), ср. [Bybee et al. 1994: 285; Падучева 2004: 101]). Однако в этом смысле нельзя разделить высказывания на однозначные и неоднозначные: у некооперативного (невнимательного, не включенного в происходящее) слушателя любое высказывание может приобрести «паразитическое» понимание; действительно, количество логически мыслимых (но в контексте реального речевого акта по тем или иным причинам неуместных и тем самым нормально сразу отвергаемых) пониманий у практически любого высказывания просто поражает воображение. Причем часто именно буквальный

⁶ Ср. аналогичное употребление слова *потрясенный* у Д. Самойлова, приводимое в статье [Береговская 2003]: *Как потрясенное растение, я буду шелестеть листом.*

смысл оказывается наиболее абсурдным (и «нормально» говорящими автоматически отвергается). Это свойство языковой коммуникации обыгрывается в текстах Л. Кэрролла (ср. [Падучева 1982]), а также, например, в легенде о пражском големе — человеке, который был создан пражским раввином из глины для защиты евреев от обидчиков; говорить он вообще не умел, а его способность понимать ограничивалась буквальным смыслом. Поэтому, когда жена раввина велела ему *натаскать в дом воды*, он стал носить из колодца воду и выливать ее на пол, а с торговкой яблоками вышел следующий эпизод:

- (3) — Ишь чего выдумал! — возмутилась торговка. — *Хочет, чтобы за его гроши я ему отдала весь ларек!*

Немного поразмыслив, Голем решил, что женщина права. *Это именно то, чего он хочет*. Он поднял ларек вместе со всеми яблоками и торговкой в придачу на плечо и двинулся домой⁷.

Разрешение потенциальной неоднозначности на всех уровнях (прежде всего, морфологическом и синтаксическом) является одной из главных проблем автоматического анализа текста, которая до сих пор сохраняет свою актуальность (см. [Иорданская 1967; Демьянков 1985; Секерина 1996] и в особенности [Богуславский и др. 2003]). Как оказывается, «то, что с легкостью делает человек в процессе понимания текста, опираясь при выборе интерпретации неоднозначных элементов на здравый смысл, знания о мире и широкий контекст коммуникации, пока недоступно никаким компьютерным системам» [Богуславский и др. 2003: 40]. На уровне лексического значения термин *неоднозначность* в этой области иногда используется как синоним термина *омонимия*: когда неоднозначность предстает как помеха при решении задач анализа, различие между полисемией и омонимией оказывается несущественно.

1.1.2. Неоднозначность и языковая игра

Эксплуатация языковой неоднозначности — излюбленный прием рекламы. Этот прием представляет собой языковую игру, а достигаемый с ее помощью эффект основан на удовольствии, получаемом от успешной игры (ср. [Пирогова 2000]). «Успехом» адресата рекламы как партнера в этой игре является обнаружение им обоих смыслов, одновременно присутствующих в том или ином рекламном тексте. Обратим внимание на то, что удовольствие это — чисто семиотической природы. Действительно, «второй смысл» часто бывает в той или иной степени «неприличным»⁸, но в общем случае это совершенно необязательно, ср.:

- (4) а. Какая *связь* между Москвой и Подмосковьем? — Московская сотовая;

⁷ Кувшин с медом. Еврейские легенды и сказки. М., 1991. С. 75.

⁸ Это обстоятельство отразилось в значении слова *двусмысленный*, ср. *двусмысленная шутка*, т. е. «имеющая неприличный смысл»; *говорить двусмысленности* и т. п.

- б. *С нашей обувью* вы не расстанетесь никогда [надпись под изображением мужчины и женщины, связанных друг с другом шнурками их ботинок];
- в. Где возникает атмосфера *близости* и душевного тепла? Конечно, на диване [изображен небольшой диван, на котором два человека сидят близко друг к другу];
- г. *Не оставляйте вещи без внимания*. Новый большой каталог ИКЕА, и т. п.

Тем самым функционально реклама ближе к поэтическому тексту, чем к текстам практической коммуникации, где неоднозначность оценивается отрицательно и по возможности избегается. На языковой неоднозначности построен также эффект определенного класса анекдотов, ср.:

- (5) а. Письмо из Центра *не дошло* до Штирлица. Он прочитал еще раз: опять *не дошло*.
- б. Встречаются Брежнев и Андропов на том свете, Брежнев спрашивает: «Ну и кто же там в Кремле сейчас главный?» — «А Миша Горбачев». — «Ну и кто его *поддерживает*?» — «А никто не *поддерживает*, он сам ходит».
- в. — Дяденька Хрушев, это вы *запустили ракету*?
— Я, мальчик.
— А сельское хозяйство?
— Кто тебя научил такое говорить?
— Папа.
— Так вот скажи папе, что я умею *сжать* не только кукурузу.

Эффект анекдота может быть также построен на употреблении одних и тех же слов попеременно то в прямом, то в переносном значении, ср.:

- (6) Ну что это за *цирк*? Это *бордель* какой-то, а не *цирк*. Вот у моего дяди в Жмеринке был *бордель*, так это был *цирк*! и т. д.

См. также [Attardo 1994: 133—138].

Возможность возникновения *неоднозначности* (прежде всего, каламбура) является наиболее очевидным свидетельством *многозначности* данной языковой единицы (ср. [Апресян 1974: 180—187]). Другими словами, если употребление некоторого слова в некотором контексте создает эффект *каламбур*, сталкивающий два различных понимания, это означает, что эти два понимания соответствуют двум разным значениям интересующего нас слова. Так, из содержащих каламбур фраз *шел дождь и два студента; один был в шляпе, другой — в хорошем настроении* следует существование в русском языке по крайней мере двух значений у глагола *идти* и у конструкции *быть в*. Возможность столкновения, противопоставления некоторых двух значений в некотором контексте не означает, однако, невозможности нейтрализации этого противопоставления в другом контексте (см. об этом ниже).

Каламбур, конечно, не является ни необходимым, ни достаточным условием многозначности: достаточным — потому что каламбур не различает полисемии и омонимии (ср. *Хорошую вещь браком не назовут*), необходимым — просто потому,

что далеко не всегда значения многозначного слова могут быть соединены в каламбуре. Однако с точки зрения задачи различения близких смыслов каламбур безусловно может рассматриваться как доказательство наличия оппозиции и тем самым двух разных значений.

Помимо каламбура имеется еще несколько типов некаламбурного совмещения значений, которые необходимо различать.

1.1.3. Типы некаламбурного совмещения значений

Остановимся сначала на самом понятии совмещения значений⁹. К сожалению, этот термин не имеет единого общепринятого понимания, и это порождает досадные недоразумения — ср., например, полемику в [Санников 1999: 181—183] в отношении работы [Перцов 1996]. Действительно, нельзя не согласиться с мнением В. З. Санникова, что «каламбурное обыгрывание слов (в том числе и обыгрывание многозначности слов) не имеет отношения к вопросу о единстве слова, наличии инварианта и т. д.» [Санников 1999: 183]. Но это совершенно справедливое утверждение нисколько не опровергает мнения Н. В. Перцова о том, что возможность совмещения значений является доказательством проницаемости границ между отдельными значениями слова, аргументом в пользу существования инварианта [Перцов 1996: 27—30]. И дело здесь не только в том, что помимо многозначности каламбур может быть построен на омонимии или паронимии (аргумент В. З. Санникова), а еще и в том, что каламбурное и некаламбурное совмещение значений — это два разных явления. Если каламбур сталкивает и противопоставляет — безразлично, значения одного слова, омонимы или любые другие внешне сходные вещи (омофоны, омографы, случайно совпавшие формы, само слово и словосочетание, возникшее в результате его паразитического переразложения, ср. шутки типа «Когда цветочник бывает предателем? — Когда он продает *нас Турции*», игру «Почему не говорят...?» т. п.), — то некаламбурное совмещение значений (возможное, заметим, только для разных значений многозначного слова, но не для омонимов), наоборот, их о б ъ е д и н я е т.

Нас будет интересовать далее лишь некаламбурное совмещение значений. Здесь возможны как минимум следующие типы.

1. «Склеивание». Объединение в одном слове (в пределах одного высказывания) двух отчетливо различных, но при этом не взаимоисключающих его пониманий, не создающее никакого специального эффекта: «неоднозначность» в таких случаях обнаруживает лишь лингвист, поставивший перед собой задачу идентификации словарного значения. Случаи «склеивания» двух разных значений одного слова обычно не замечаются ни говорящим, ни слушающим, но при их обнаружении «расклеивание» не представляет ни малейшего труда и проходит

⁹ Наиболее подробно разные типы совмещения значений проанализированы в работе [Перцова 1988]. См. также [Перцов 2000а; 2001: 31—32].

совершенно безболезненно для смысла предложения в целом. Этот случай может быть проиллюстрирован уже обсуждавшимися в лингвистической литературе примерами (7), (8).

(7) Пустое *сердце* бьется ровно, / В руке не дрогнул пистолет (Лермонтов)¹⁰;

(8) Через край полная *аудитория* была беспокойна и издавала глухой, сдавленный гул (А. Герцен).

В примере (7) в слове *сердце* «склеиваются» значения 'центральный орган кровообращения' (*сердце бьется*) и 'этот орган как символ средоточия чувств' (*пустое сердце*); в (8) слово *аудитория* употреблено одновременно как обозначение помещения и множества находящихся в нем людей. В работе [Перцова 1988: 65] пример (7) справедливо охарактеризован как случай конъюнктивной неоднозначности (т. е. предполагающей одновременное наличие двух прочтений), при этом ненамеренной со стороны говорящего.

В связи с этим интересен следующий пример, разбираемый в работах [Перцов 1994; 2000а; 2001]:

(9) Фигурно иль буквально: всей семьей,
От ямщика до первого поэта,
Мы все *поем* уныло ... (Пушкин. Домик в Коломне).

Н. В. Перцов усматривает здесь некаламбурное объединение значений на основе семантического инварианта, включающего смыслы 'эстетическое', 'приятное', 'ритмичность' и 'человеческий голос' [Перцов 2001: 36].

Анализ Н. В. Перцова вызывает некоторые возражения. Прежде всего, структура многозначности глагола *петь* претерпела со времен Пушкина существенные изменения, а именно: для нас значение 'исполнять голосом музыкальное произведение' является основным и практически единственным для этого глагола, значение 'читать / сочинять стихи' (*Там пел Мицкевич вдохновенный*) — абсолютно устаревшим, а значение 'воспевать, восхвалять (в стихах)' (*Он пел поблекший жизни цвет / Без малого в осьмнадцать лет*) — книжно-архаичным¹¹. Соответственно, сегодня характер совмещения значений этого глагола оказывается иным, чем он

¹⁰ В [Урысон 1997б: 113] данный пример иллюстрирует утверждение, что слово может выступать «в некоем промежуточном значении, которое объединяет в себе компоненты разных (словарных) толкований». Представляется, однако, что здесь имеет место как раз совмещение (одновременное выражение) двух разных значений на уровне данного высказывания; никакого «промежуточного значения» у слова *сердце* при этом не возникает. Вообще термин «промежуточное значение» представляется не совсем удачным: для характеристики употреблений, обладающих одновременно признаками двух различных значений (это явление особенно характерно для семантики приставок, см. Главу IV), более уместна была бы метафора *объемлющего* пространства.

¹¹ Последнее значение является наиболее древним. Согласно О. Н. Трубачеву, семантическая деривация 'поить' → 'петь, воспевать' восходит к языческому обряду жертвенного возлияния (см. [Фасмер 1996, III: 350]).

был в языке Пушкина, что существенно затрудняет анализ. В «Словаре языка Пушкина» все три перечисленных выше значения — без различия между ними — помещены внутри первого (основного) значения этого глагола, которое дается без толкования [СЯП, III: 333]. В качестве отдельного значения предлагается ‘творить, слагать стихи (о поэте)’, но, судя по примерам, последовательного различения (по сравнению с основным значением) здесь не проводится.

Далее, хотя в данном примере эффекта каламбура действительно не возникает, нельзя согласиться с тем, что совмещение значений здесь, «несмотря на предупреждение в первой строке, большинством читателей не замечается» [Перцов 2000а: 58]. В этих строках Пушкин безусловно обыгрывает возможность соединения очевидно различных смыслов, и не заметить этого может лишь очень невнимательный читатель. Совмещение значений здесь — это прием, целью которого (возможно, не единственной и даже не истинной) является создание иллюзии единства. Что же касается инварианта, то одно из двух совмещаемых здесь значений глагола *петь* — это ‘сочинять стихи’ или ‘читать / сочинять стихи’, т. е. смысловой компонент ‘человеческий голос’ здесь либо отсутствует, либо является факультативным, и тем самым он не может входить в инвариант (между тем исключение данного компонента из предполагаемого инварианта уж слишком явно противоречило бы основному значению глагола *петь*). Возможность некаламбурного совмещения значений, как кажется, опирается в данном случае скорее не на инвариант, а на устойчивое европейское культурное клише «поэт — певец», восходящее к реальному совмещению этих функций. Это клише в «развернутой» форме присутствует, например, в известных пушкинских строчках

- (10) Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он *пел* — а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

Эта эксплицитная двойственность навязывает прочтение глагола *петь* как содержащего совмещение значений (‘исполнять голосом музыкальное произведение’ и ‘читать стихи’).

2. «Сплав». Этот тип совмещения значений особенно характерен для поэзии. Речь идет о том, что два, вообще говоря, отчетливо различных значения как бы соединяются в одно; при этом ощущение их разности тоже сохраняется, и именно на этом основан эффект: разные вещи предстают как одна (в частности — совмещение прямого и переносного значения одного слова, как в примере (12)), и из этого соединения возникает новый, третий смысл. Приведем два таких примера (курсив мой. — А. З.):

- (11) Еще Мандельштам пытался мне объяснить, что такое *узнавание*... Он думал не только о процессе, т. е. о том, как протекает узнавание того, что мы уже видели

и знали, но о вспышке, которая сопровождает *узнавание* до сих пор скрытого от нас, еще неизвестного, но возникающего в единственно нужную минуту, как судьба. Так *узнается* слово, необходимое в стихах, как бы предназначенное для них, так входит в жизнь человек, которого раньше не видел, но словно предчувствовал, что с ним переплетется судьба (Н. Мандельштам. Вторая книга).

Согласно словарным определениям, слово *узнавание* может означать обретение либо *нового*, либо *старого* (т. е. отождествление с образом, имеющимся в памяти). Данное употребление, очевидно, не относится ни к одному из них: речь идет (приблизительно) об узнавании нового, которое субъективно ощущается как обретение вновь уже бывшего¹². Однако никакой трудности с пониманием того, что имеется в виду, не возникает; с другой стороны, очевидно, что необходимости в пересмотре словарного толкования слова *узнавание* также нет. Другой пример:

- (12) Все стало тяжелее и громаднее, потому и человек должен быть *тверже* всего на земле и *относиться* к ней, как алмаз к стеклу» (О. Мандельштам. О природе слова).

В (12) для обоих выделенных слов значение, которое они выражают в данном тексте, является результатом некоего синтеза разных словарных значений этих слов. Здесь имеет место именно синтез — а не «мерцание» (ср. ниже): свойство *твердости* человека, о котором идет речь, предстает как «сплав» прямого и переносного значения данного слова. То же верно для употребленного в этом примере глагола *относиться*. Для сравнения приведем другой пример употребления этого глагола в аналогичной конструкции, где «сплава», однако, не происходит: два значения остаются противопоставленными, создавая эффект языковой игры:

- (13) После испытаний графита, привезенного с завода, Игорь Семенович Панасюк сказал Курчатову: «Эти образцы *относятся* к нейтронам, как голодные волки к ягням»¹³.

3. «**Мерцание**» («осцилляция»). Другой вариант «поэтического» совмещения значений — то, что в лингвистике принято называть «осциллирующими» значениями (см., в частности, [Апресян 1974: 179] со ссылкой на известную книгу Г. Стерна): имеются в виду употребления, когда два или более различных значения присутствуют в слове одновременно, что создает эффект «мерцания» (т. е. как бы попеременно обнаруживает себя то одно, то другое значение). Ср. пример такого употребления глагола *видеть*, разбираемый в [Апресян 1995г]:

¹² Ср. также: *Все было встарь, все повторится снова, / И дорог нам лишь узнаванья миг* (О. Мандельштам. Я изучил науку расставанья) [*узнавание* того, что было (т. е. старого), — но не с нами (тем самым новым)].

¹³ Т. е. их *пожирают*. Пример из газетной статьи о создании в СССР атомного реактора (речь идет о поиске графита с минимальным сечением *захвата нейтронов*); цит. по [Вайль, Генис 2001: 107].

- (14) Вот мы и встали в крестах да в нашивках, / В снежном дыму. / Смотрим и *видим*,
что вышла ошибка, — / И мы — ни к чему! (А. Галич. Ошибка).

Здесь глагол *видеть* имеет одновременно два разных значения (на что указывают разные элементы контекста) — зрительного восприятия и знания-понимания (видения «мысленным взором»).

4. Особым случаем поэтического некаламбурного совмещения значений можно считать явление, которое Т. М. Николаева называет «**принципом тернарной семантики**». Оно состоит в том, что «одна и та же лексическая единица (иногда — просто слово) в случае 1-м имеет значение X, в случае 2-м имеет значение Y, а в 3-м случае — как бы и X и Y одновременно. То есть в одном случае [речь идет о тексте «Слова о полку Игореве». — А. З.] *галки* — это просто птицы галки, в другом — это обозначение половцев, в третьем — остается неясным, то ли это галки, то ли половцы» [Николаева 1997а: 41].

Разнообразие типов поэтического совмещения значений, вероятно, может быть увеличено (см., в частности, примеры в [Перцова 1988]). Это, однако, выходит за пределы настоящего обсуждения; здесь мы ограничимся лишь тем соображением, что поэтическое совмещение значений (по крайней мере, наши типы 2 и 3), будучи вполне очевидным аргументом в пользу «единства слова», не является ни в коей мере аргументом против принципа дискретности представления многозначности в словаре (то, как и в словарные значения совмещаются, обычно нетрудно установить — труднее бывает описать эффект их совмещения, но это, очевидно, выходит за рамки задач лексикографии). Тем более поэтическое совмещение значений не служит аргументом против принципа, что «в норме» в каждом конкретном употреблении реализуется какое-то одно значение слова (см. ниже): поэтический язык именно нарушает эту «норму», чем и достигается эффект.

Если поставить задачу перечислить все типы случаев, когда под одной «оболочкой» в высказывании скрывается несколько разных смыслов, то к этому списку следует добавить, с одной стороны, каламбур, т. е. создающее комический эффект соединение (обычно намеренное) двух очевидно различных смыслов, ни один из которых не «имеется в виду» (так как в намеренном каламбуре имеется в виду — рассмешить, и только)¹⁴. С другой стороны (т. е. с содержательно противоположного полюса), к этому списку примыкает соединение двух смыслов, расчленение которых в пределах данного высказывания невозможно (т. е. может быть произведено лишь на основании каких-то других контекстов — то, что по-английски называется *vagueness*). Примером здесь может служить выражение *бороться с еретиками* [Апресян 1974: 181], в котором реализованы одновременно два раз-

¹⁴ Ср. о каламбуре в [Падучева 1982: 85]: «Высказывание, допускающее два или несколько осмыслений, которые все „имеются в виду“... следует признать семантически аномальным: назначение такого высказывания состоит не в том, чтобы выразить какой-либо из его смыслов, а в том, чтобы обратить внимание слушающих на игру смыслов друг с другом».

ных значения (*бороться с кем-то за что-то* и *бороться с чем-то*). Такие случаи неточно было бы называть *совмещением* значений; более принято их обозначать словом *синкретизм* или *неразличение* (впрочем, последовательности в употреблении этих терминов нет). Однако еще точнее было бы говорить, что в таких случаях слово имеет одно значение, но просто это значение — более высокого уровня, на котором признак, различающий значения более низкого уровня, не релевантен¹⁵.

Так, например, у глагола *бояться* отчетливо противопоставлены два значения: «эмоциональное», где на первом плане находится чувство страха, основанное на представлении о негативном характере некоторого события (*бояться* 1), и «ментальное» значение вероятностной оценки (*бояться* 2); см. подробнее раздел II.1. Для этих двух значений различен эффект взаимодействия с отрицанием. Так, во фразе

(15) Я не *боюсь* съезжать с этой горы

реализовано первое, «эмоциональное» значение (= ‘не испытываю страха’), а во фразе

(16) Верой в будущее не *боюсь* / Показать тебе краснобаем (Б. Пастернак)

представлено «ментальное» значение: *не боюсь показаться* значит ‘не считаю вероятным, что это произойдет’.

Противопоставленность этих двух значений глагола *бояться* в русском языке подтверждается возможностью языковой игры, примером которой может служить следующий эпизод, рассказанный В. Б. Шкловским¹⁶:

(17) Маяковскому передали, что Брюсов якобы сказал о нем: «*Боюсь*, что из Маяковского ничего не выйдет».

Владимир Владимирович очень забавно показывал, как Брюсов спит и просыпается ночью с воплем:

— *Боюсь, боюсь!*

— Ты чего *боишься*?

— *Боюсь*, что из Маяковского ничего не выйдет¹⁷.

Между тем в других случаях, в том числе под отрицанием, выбор между этими двумя значениями оказывается невозможен — и при этом не в силу недоста-

¹⁵ По существу та же самая проблема рассматривается в работах [Урысон 1997б; 1998а], где обсуждается явление «несостоявшейся полисемии»: речь идет о лексикографической трактовке «лексем» с дизъюнкцией в толковании — при том что в значительной части употреблений выбор не детерминирован (ср. дизъюнкцию ‘пространство или поверхность’ в толковании слова *небо*).

¹⁶ Шкловский В. О Маяковском. М., 1940 (цит. по [Сарнов 2002: 11]). Этим примером я обязана С. А. Крылову.

¹⁷ Весьма показателен следующий затем комментарий В. Б. Шкловского: «В этой остроте обычный метод Маяковского: перестановка ударения на второстепенное слово, пере-

точности контекста, а потому что данная оппозиция отсутствует в смысловом задании. Например, произнося фразу

(18) Я не боюсь остаться одна,

говорящий может иметь в виду, что ли б о этого не произойдет, ли б о это не будет плохо (причем такая эксплицитная дизъюнктивность присутствует лишь в нашем толковании; самим говорящим она может и не осознаваться). См. также о совмещении разных значений *сожалеть* в разделе II.2.7.1.

Иными словами, в некотором контексте может оказаться несуществен признак, который различает два значения в других контекстах (и дает основание лексикографу различать их в словарном описании). Ср. в этой связи следующие высказывания Д. Н. Шмелева: «Семантическая структура целого ряда слов характеризуется тем, что отдельные значения, отчетливо отграничиваемые друг от друга в определенных позициях, в других позициях оказываются совместимыми, выступающими нераздельно» [Шмелев 1973: 77]. И далее: «Речь идет не о специальном приеме поэтического (часто просто каламбурного) использования слов в контексте, обнажающем их многозначность, а о том, что в обычных условиях речевого общения выделяемые значения не полностью и безусловно отграничены друг от друга... Подобная «д и ф ф у з н о с т ь» отдельных значений не создает затруднений для речевого общения, не делает высказывание двусмысленным, так как позиционная обусловленность различных значений многозначного слова сочетается с (также позиционно обусловленной) возможностью “совмещения” некоторых из них в определенных контекстах» [Там же: 80]. Обратим внимание на употребление кавычек при слове *совмещение*.

Что «совмещение значений» — явление не просто не периферийное, но в некотором смысле конституирующее для семантической системы языка, следует из того, что именно так происходит семантическая эволюция: в течение какого-то времени два значения совмещаются, не различаясь, а потом расходятся, обычно за счет того, что одно из них инкорпорирует элемент значения контекста, в результате чего различие становится уже не позиционным, а ингерентным — ср. известный пример Бенвениста *le faucon vole la perdrix* «сокол преследует и хватает на лету куропатку» [Бенвенист 1974а: 333].

С указанной оговоркой (т. е. если случаи синкретизма считать одним значением) можно согласиться с утверждением, что «в норме каждое многозначное слово используется в высказывании в каком-то одном из своих значений» [Апресян 2000б: XXVII—XXVIII].

осмысливание этого слова и разрушение обычного значения». Действительно, произведенная Маяковским подмена употребленного Брюсовым глагола *бояться 2* глаголом *бояться 1* сопровождается переносом на него фразового ударения: *бояться 2*, будучи глаголом пропозициональной установки, является безударным (и в этом смысле «второстепенным»).

В связи с проблемой совмещения значений следует упомянуть также явление, в некотором смысле обратное: «расслоение» единого значения под давлением контекста, когда повтор слова навязывает нам его прочтение в разных смыслах. Помимо известных примеров квазитавтологий вида ‘А есть А’, широко обсуждавшихся в литературе (см. [Wierzbicka 1987с; Бульгина, Шмелев 1990/97: 437—451]), приведем примеры квазипротиворечий вида ‘А есть не А’, ср.:

- (18) И, чтобы кончить о Д. И. Знаю только, что умер он у Старого Пимена и что работал до последнего дня. Да и не *знала* бы — *знала* бы. (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена);
- (19) Acquérir à force d’immobilité une sorte de hâle doux sur le visage et le corps, *attendre* sans *attendre* que les vacances soient finis (F. Sagan. Un certain sourire) [см. разбор этого примера в разделе III.3 второй части].

Изучение механизмов семантической деривации, «вынуждаемой» такого рода контекстами, является интересной задачей, которая выходит за рамки настоящего обсуждения.

1.2. Способы представления многозначности

Среди существующих на сегодняшний день способов представления многозначности, применяемых разными авторами, назовем следующие:

1. Иерархически упорядоченный (= многоуровневый) набор частных значений (традиционные толковые словари, Толково-комбинаторный словарь А. К. Жолковского и И. А. Мельчука; Ю. Д. Апресян).
2. Множество частных значений с заданным отношением производности (= семантической деривации), связывающих их с исходным значением, т. е. схема Куриловича (Е. В. Падучева, «семантические мосты» И. А. Мельчука, В. Туровский — операции над толкованием).
3. И н в а р и а н т (\approx общее значение) и в той или иной степени выводимые из него варианты (= частные значения), реализующиеся в разных контекстных условиях, т. е. схема Jakobsona (Н. В. Перцов).
4. Значение слова как набор семантических компонентов, или компонентов толкования, имеющих вид утверждений на семантическом метаязыке (А. Вежбицкая). Сравнение этих наборов выявляет общее и различное в значении синонимов в пределах одного языка, переводных эквивалентов в разных языках, а также разных значений одного слова (каждому из которых сопоставляется свой набор)¹⁸.

¹⁸ Полисемии А. Вежбицкая придает меньшее значение; ср., однако, ее описание разных значений англ. слова *soul* в [Wierzbicka 1992a: 36—38], глаголов *to ask*, *to tell* и др. в [Wierzbicka 1987a], слов *правда* и *неправда* в [Вежбицкая 2002].

Анна Андреевна Зализняк

МНОГОЗНАЧНОСТЬ В ЯЗЫКЕ
И СПОСОБЫ ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет подготовила Л. Кисличенко
Корректоры О. Трефилова, Е. Зуевская

Художественное оформление переплета С. Жигалкина и Ю. Саевича

Художник-консультант Л. Панфилова

Подписано в печать 01.11.2005. Формат 70x100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Times.
Усл. печ. л. 54,18. Тираж 1200. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур».
№ госрегистрации 1037789030641.
Phone: **207-86-93** Fax: **246-20-20** (для аб. М153)
E-mail: Lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnozis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).